

в 1701 году, «когда некоторые старались, чтобы у них (иезуитов, — А. Ф.) отняты были ученики».³⁶ Царь на подобные домогательства со стороны Яворского ответил якобы словами: «что хорошо началось, того не следует так внезапно и скоро прекращать».³⁷

Как мы уже отметили, Петр высоко ценил педагогическую деятельность иезуитов.³⁸ В 1706 году, будучи в Польше, он заявил как-то, что московские иезуиты — это «славные мужи», которые «с любовью (*gratioso*) обучают юношей и всем нравятся», за что он «охотно терпит и держит их в Москве»,³⁹ и это при том, что он оказывал много больше содействия школьному началу протестанта Глюка.⁴⁰ Крайне отрицательно относясь к политической деятельности иезуитов вообще, царь признавал, что «училища их в искусстве служат орудиями их умыслов, выгодам папы и для властолюбия, чтобы управлять государями по своей воле».⁴¹ Однако в русской обстановке первых лет XVIII века опасность и вредность иезуитской школы не казалась царю, видимо, достаточно серьезной, чтобы прервать успешную педагогическую деятельность Милана и Берулы.⁴² И если в 1705—1706 годы русские ученики вышли из сферы воздействия иезуитов, то причиной этого были военные и иные запросы.

А между тем и со стороны восточных православных патриархов в Москву поступали предупреждения о возможной опасности для веры в связи с обучением русских юношей у иезуитов. От имени константинопольского патриарха Гавриила в 1705 году об этом говорилось русскому послу в Константинополе П. А. Толстому. «Также слышится, — передавали ему от имени патриарха, — что ныне в Москве заведены школы латинские, и многие де есть езувиты и по домам честных и благородных людей учат детей их». Патриарх предостерегал от доверия иезуитам: «Понеже де езувиты ни о чем ином не помышляют, токмо чтоб им расширить и множить свое схизматическое мудрование, и когда де во благородные младые сердца насеют своего неправомудрующего семени, тогда де уже которое благочестие последовати может!».⁴³ В этом сообщении имеются в виду не только московские иезуиты Милан и Берула. Иезуитами тут, видимо, названы и иные, может быть, и южнорусские учителя латинской школы и образования. Но предупреждение патриарха Гавриила затрагивало, конечно, и интересующую нас московскую иезуитскую школу, как раз

³⁶ Письма и донесения, № 269 (73—74).

³⁷ Там же, № 270 (76), 272 (77), 286 (95).

³⁸ Ср. записку Фокеродта в кн.: E. Her mann. Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands, Bd. I, S. 103.

³⁹ Письма и донесения, № 316 (131).

⁴⁰ Ср.: Duk t e u e r. Korbs Diarium, I, S. 208 и сл.

⁴¹ Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Я. Штелиным, ч. 1. Изд. 3-е, вновь испр. М., 1830, стр. 43—44.

⁴² Ректор полочкой иезуитской коллегии в 1705 году передавал в Рим свой разговор с царем, который якобы рассказывал ему о своем ответе одному русскому архиепископу, опасавшемуся католического влияния на русских учеников в иезуитских школах. «Я ему задал! — сказал якобы царь, — потому что ни он, ни его монахи не могут ничему обучать, и что касается молодежи, то если они хотят перейти в католичество — это ее дело, и я об этом ни-сколько не беспокоюсь» (см.: A. K o t s e b u e. Erinnerungen. . ., Bd. II, S. 321; «Русский Архив», 1903, т. II, стр. 321). Не знаем, к какому эпизоду нужно отнести эти слова — к беседе ли с патриархом Адрианом или же к разговору с Яворским в 1701 году и в какой степени верно переданы речи Петра I. Во всяком случае слова о свободе перехода в католичество вызывают большие сомнения.

⁴³ Н. Каптерев. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством, М., 1891, стр. 176—177, прим. 66.